
Елена
Неделько
Свадьба
ПОД ЛИПАМИ
Свидание с бывшей женой
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Елена Неделько

Свадьба под липами. Свидание с бывшей женой

«Автор»
2026

Неделько Е.

Свадьба под липами. Свидание с бывшей женой / Е. Неделько — «Автор», 2026

Десять лет назад она сбежала из Липовки, променяв мужа автослесаря на столичный успех. Теперь Вероника — королева бьюти-индустрии с золотой картой и холодным сердцем.Но первое же касание его грязных рук плавит её ледяную броню. Деревенская пыль против городских амбиций. Тайные встречи под палящим солнцем рискуют закончиться скандалом. Сможет ли первая любовь пережить десять лет ненависти?

© Неделько Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Свадьба под липами. Свидание с бывшей женой

Глава 1

Июль в Липовке плавил не только асфальт на единственной заасфальтированной улице, но и мозги. Воздух дрожал над крышами шиферных домов, пах прелой травой, горячей пылью и сладким перегаром отцветающей липы. Солнце висело прямо над головой, как раскаленная лампочка, которую забыли выключить.

Илья сидел под вишней во дворе своего дома, прислонившись спиной к теплой шершавой коре. Перед ним на перевернутом ведре стояла запотевшая трехлитровая банка с квасом. Первый стакан он выпил залпом, чувствуя, как ледяная кислая жидкость царапает пересохшее горло. Второй цедил медленно.

В половине третьего дня телефон издал жалкий писк — сообщение от Светки из аптеки: «Зайдешь вечером? Пирожки будут. С яблоком». Илья посмотрел на экран старого Nokia, затем перевел взгляд на свои руки. Под ногтями намертво въелся мазут, костяшки были сбиты о шкив старой «Нивы», а на предплечье красовался свежий ожог от глушителя. Какие пирожки? Какое «зайдешь»? Отношения со Светкой напоминали этот квас — вроде пьешь, жажду утоляет, привычно, но пузырьков жизни уже нет. Просто способ не сдохнуть от обезвоживания по вечерам.

— Ильюх! — раздался крик со стороны забора. — Тащи свою задницу сюда! Катька замуж выходит!

В покосившуюся дверь в заборе вошел Витька — красный, потный, в резиновых сланцах на босу ногу. В руках он держал две бутылки теплого пива.

— Какая она тебе Катька, ей тридцать пять скоро, — буркнул Илья, принимая бутылку. Пиво было противно-теплым, но градус обещал хоть какое-то спасение от духоты. — Куда тащиться-то? Жара же.

— На старую дачу Голововановых. Там шатер поставили, музыку везут. Вся деревня там будет. И Настька твоя приедет.

При упоминании Настасьи, Илья поморщился. Настька была хорошей бабой — простой, понятной, без закидонов. Она вязала ему шерстяные носки на зиму и никогда не спрашивала, почему он задерживается. Но думать о ней сейчас не хотелось. Хотелось просто сидеть в тени и слушать, как где-то далеко, на другом конце деревни, лениво лает собака.

К семи вечера солнце наконец-то сместилось к верхушкам старых тополей. Деревня начала оживать. Из дворов потянуло дымком — мужики разжигали мангалы.

Дача Голововановых встретила Илью басами, которые вибрировали прямо в зубах, и запахом дорогого цветочного парфюма, резко диссонирующим с деревенским воздухом. Поляна перед старым домом превратилась в глянцевую картинку из журнала: белые пластиковые стулья, арка, увитая искусственным эвкалиптом (потому что живой дорогой, да и при таком солнце сгорел бы еще днем), гирлянды. Вентиляторы гоняли горячий воздух по шатру, создавая лишь иллюзию прохлады.

Илья встал в тенек у стола с напитками, прячась за широкой спиной дяди Пети-фермера. Выпивать не хотелось — завтра обещали пригнать на капиталку УАЗ, работы много. Он жевал шашлык, смотрел, как отплясывают молодые, и чувствовал себя здесь экспонатом из краеведческого музея. Мужики его возраста давно разбрелись по углам обсуждать машины, женщины сбились в стайки и тоже щебетали о своем.

А потом музыка внезапно стихла. Кто-то неловко задел пульт ди-джея. В образовавшейся звенящей тишине, раздался звук, которого здесь быть не должно. Резкий, сухой щелчок замочка дорогой дамской сумки.

Илья поднял глаза.

Она стояла у арки, словно материализовавшись из марева. Длинное шелковое платье цвета шампанского льнуло к ногам при каждом движении сквозняка. Открытые плечи, тонкая золотая цепочка на ключице, идеальная укладка, которой эта липовская жара была нипочем. От нее пахло чем-то горьковато-свежим, дорогим и совершенно чужим —городом и стерильными кабинетами.

Вероника сделала шаг вперед, обводя взглядом гостей. Ее губы — полные, покрытые матовой помадой — дрогнули в вежливой полуулыбке. Она приехала на свадьбу подруги детства, уверенная, что это будет скучная командировка в прошлое. Но ее идеальный мир дал трещину ровно в ту секунду, когда их взгляды встретились через всю поляну.

Время загустело, как прошлогодний мед. Для всех остальных вокруг снова продолжила играть музыка, кто-то чокался пластиковыми стаканчиками, дядя Петя громко рассказывал анекдот про тракториста. Но для Ильи существовала только она. Десять лет. Десять чертовых лет, тысячи километров между ними, новая женщина, которая утром гладила его по голове, провожая на работу, десятки отремонтированных машин — всё это рассыпалось в прах.

Он видел каждую деталь: крошечную родинку на правой скуле, которую раньше так любил целовать; то, как она чуть выставила вперед левое плечо, пряча сломанную когда-то ключицу; легкий, едва заметный слой пудры на переносице, скрывающий следы усталости от долгой дороги.

— Ого, — выдохнул рядом Витька, который успел набраться до состояния философского изумления. — Это ж Ника-Москва приехала. Богатая стала, сразу видно. Глянь, какие шпильки. Тут каблук застрянет — прощай, туфля.

Шпильки. Да, они впивались в мягкую землю газона, грозя провалиться в чернозем по самую пятку. Вероника явно пожалела, что вышла из такси у поворота, а не подъехала прямо к воротам. Она растерянно оглянулась, ища подругу-невесту, но та была занята разговорами с родителями жениха. Вероника оказалась одна посреди этого шумного, пьяного, пропахшего жареным луком и мясом праздника.

Илья отставил тарелку. Руки мелко подрагивали. Он сделал шаг из тени дерева на свет садового прожектора. Земля под ногами казалась ватной.

Их разделяло всего двадцать метров свадебного шатра. Двадцать метров.

Вероника заметила его движение. Ее спина, до этого державшаяся с королевской осанкой, заметно напряглась. Она узнала его мгновенно, хотя вместо драных джинсов и промасленной футболки на нем была чистая клетчатая рубашка, купленная Светкой в районном торговом центре. Его лицо загорело, а во взгляде появилась тяжелая, опасная глубина человека, который годами молчит…о главном.

Они смотрели друг на друга сквозь толпу, сквозь запах духов «Шанель» и дыма от березовых углей. Между ними пролегла пропасть длиною в жизнь, которую она выбрала сама.

Вдруг кто-то налетел на Веронику сзади — какая-то захмелевшая тетка из таких же городских родственников, тянущаяся за бутербродом с красной икрой. Вероника покачнулась, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и пронзительно вскрикнула. Не от боли — от неожиданности. Тонкий ремешок босоножки лопнул, лодыжку предательски повело, и она начала падать прямо на край пластикового стола.

Илья сорвался с места.

Он пролетел эти двадцать метров одним прыжком, расталкивая танцующих. Краем глаза заметил побледневшую Настьку, которая замерла с бокалом шампанского в руке. Заметил округлившиеся глаза Витьки. Ему было плевать.

Он поймал Веронику под локти буквально в сантиметрах от падения. Их тела столкнулись с такой силой, что у обоих перехватило дыхание. Жаркая, тонкая талия под пальцами. Запах ее кожи — терпкий, соленый от жары, совсем не похожий на тот парфюм, которым она поливалась раньше.

— Тише ты, сумасшедший, — прошипела она, упираясь ладонями в его горячую грудь. — Платье помнешь. Оно стоит как твой гараж.

Но голос дрожал. Илья почувствовал эту вибрацию кончиками пальцев, которыми сжимал ее предплечья. Он медленно, очень медленно разжал хватку, но не отошел. Они стояли вплотную. Мимо них, смеясь, прошла невеста.

— Зачем приехала? — хрипло спросил Илья. Горло пересохло окончательно. — Снова будешь учить меня жить?

— Свадьба у людей, Илья, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. В ее зрачках плясали отблески диско-шара. — Или мне нужно было спросить у тебя разрешение на въезд в деревню? Неужели границы закрылись?

— Закрылись, — глухо буркнул он. — Когда ты села в ту попутку десять лет назад.

Повисла пауза. Оглушительная, густая, наполненная жужжанием назойливой мухи, бьющейся о стекло фонаря. Весь мир сузился до этого пятна света, двух тяжело дышащих людей и запаха летнего сада.

— Я соскучилась по нормальной деревенской еде, — вдруг сказала Вероника, отводя взгляд и поправляя съехавший лиф платья. Она попыталась вложить в голос весь сарказм, на который была способна городская бизнес-леди. — Салат с майонезом звучит сейчас сексуальнее твоих речей о разбитом сердце. Дай пройти.

Она попыталась отстраниться, сделать шаг в сторону, вернуться в роль гостьи. Но Илья не сдвинулся с места, преграждая путь своим широким плечом.

— Автобусы обратно в город теперь отсюда не ходят, Ник. Последний уехал час назад. А таксисты в такую даль по нашей грязи ночью не поедут, подвеску берегут. Так что… добро пожаловать домой.

Слово «домой» ударило ее под дых сильнее, чем любое оскорбление. Домой. В дом, из которого она сбежала, собрав вещи в одну спортивную сумку, пока он был на сутках. В дом, где до сих пор, наверное, висят ее старые шторы в мелкий цветочек.

— У меня забронирован номер в райцентре, — соврала она, потому что номера не было — она решила действовать по обстоятельствам. — Вызову машину оттуда.

— До райцентра двенадцать километров. По пыли и комарам, — Илья усмехнулся краем губ. Впервые за долгое время эта усмешка выглядела искренне жестокой. — С твоей-то обувью. Оставайся. Потанцуй. Вспомни молодость.

Он отступил на шаг, открывая ей проход к выходу, но приглашающим жестом указал на центр поляны, где ди-джей снова врубил какой-то модный поп-хит.

Вероника смотрела на него сверху вниз — она всегда была выше ростом, но сейчас, на своих убийственных шпильках, возвышалась над ним, как королева над крестьянином. Только вот колени у нее дрожали.

— Ты изменился, — тихо произнесла она.

— Заржавел слегка, — кивнул он, демонстративно разводя руками. — Смазки не хватает. Хорошей такой… городской смазки.

Это было грубо. Это было низко. Это напомнило ей того самого Илью, от которого она бежала — колючего, прямого, плюющего на этикет и манеры. И именно поэтому внутри живота

завязался тугой, горячий узел желания. Того, настоящего, когда сердце перестает слушать разум.

Она ничего не ответила. Молча обошла его, задев плечом — легкое касание ткани, от которого по коже прошел разряд тока. Направилась к столу с напитками, высоко подняв голову.

Илья остался стоять на месте. Он смотрел, как она берет тонкий хрустальный бокал с дешевым шампанским идеальной, холеной рукой. Как делает глоток. Как морщится от кислоты, но держит лицо.

Светка сегодня явно оставит без пирожков. Более того, если Светлана узнает, что же это за дама приехала в Липовку, одними слезами в аптеке дело не кончится. Но глядя, как бывшая жена поправляет идеальное платье, стоя среди пластиковых стаканов и тазов с оливье, Илья впервые за десять лет почувствовал, что может дышать полной грудью. Даже несмотря на сорок градусов в тени.

Глава 2

Вероника сделала вид, что отчаянно увлечена беседой с троюродной теткой жениха — женщиной в синтетическом костюме цвета фуксии, которая громко рассуждала о пользе огуречных масок. Сама же Вероника кожей чувствовала каждое движение Ильи за спиной. Он не ушел к мужикам обсуждать движки. Он стоял там же, с другой стороны стола с напитками, прислонившись плечом к шатру, пил водку мелкими глотками из пластикового стаканчика и смотрел на нее. Не пялился нагло, а именно рассматривал — тяжело, изучающе, как сложный двигатель иностранного производства, который заглох посреди трассы.

— Вероничка, ты так похорошела! — Тетка схватила ее под локоть липкими пальцами. — Прям бизнес-леди! А дети? А чего детей-то нет? Часики-то тикают!

Внутри Вероники всё заледенело, но лицо осталось маской профессиональной вежливости. Она отработанным движением высвободила руку.

— Работа, Тамара Ивановна. Салон отнимает все силы. Сейчас строить бизнес в сфере красоты очень энергозатратно.

— Ой, да какая энергия! — махнула рукой тетка. — Вон, Настька-продавщица уже второго нянчит, а ведь дуры были — она ж тебе в подружках ходила. Всё бегала за Илюшей твоим, глаза выплакивала, когда ты его бросила…

Вероника медленно повернула голову. Илья по-прежнему стоял в тени. Услышал ли он имя «Настька»? Судя по тому, как дернулся кадык на его шее, когда он опрокинул в себя остатки водки — услышал.

— Мне нужно выйти, — процедила Вероника сквозь зубы, улыбаясь тетке. — Душно очень.

Она вышла из-под душного брезента шатра в ночь. Но прохлады не было. Липовка пахла пылью, остывающим асфальтом и сладким дурманом цветущего табака. Звезды висели низко, казалось, их можно зацепить шпилькой босоножки, если подпрыгнуть.

Каблук снова предательски вяз в мягкой земле газона. Вероника чертыхнулась, сняла туфлю и тряхнула ногой, вытряхивая землю. Дорогая обувь стоила больше, чем вся пенсия свекрови Ильи, но здесь, на этой выжженной солнцем траве, она казалась нелепым оружием инопланетянина.

— Дай сюда.

Его голос прозвучал прямо над ухом. Вероника вздрогнула, едва не выронив туфлю. Илья подошел бесшумно, ступая по деревенской пыли босыми ногами. Когда он успел разуться? От него пахло жареным мясом, дешевым табаком и тем самым одеколоном, которым он пользовался еще в девяностые. Только теперь этот запах смешался с запахом чистого мужского пота. Диким, первобытным афродизиаком.

Он молча забрал у нее босоножку. Присел на одно колено прямо на землю. Его широкие ладони обхватили ее узкую стопу. Пальцы были горячими и шершавыми. Он застегивал ремешок с такой сосредоточенностью, будто обезвреживал бомбу.

— Зачем ты приехала, Ника? — спросил он, не поднимая головы. Его дыхание щекотало кожу между пальцев. — Решила проверить, проросли ли твои семена успеха в нашем навозе?

— Перестань, — выдохнула она, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не позволить себе закрыть глаза от его прикосновений. — Я просто приехала на свадьбу к Кате. Мы же дружили в школе. Это преступление?

— Преступление — являться туда, где тебя похоронили заживо десять лет назад, — он защелкнул замок и поднялся. Теперь они стояли вплотную. — Ты даже пахнешь иначе. Как стерильная палата. Здесь таким воздухом дышать нельзя, задохнешься.

— Зато от тебя несет гаражом, — огрызнулась она, пытаясь вернуть себе контроль. — Маслом, соляркой и безнадегой. Ничего не изменилось, Илья. Совсем ничего. Тот же пыльный двор, те же разговоры про запчасти. Ты сам себя закопал в этом огороде.

Илья усмехнулся. Горько, одними уголками губ. Сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до нуля. Вероника уперлась лопатками в ствол старой яблони. Сухая кора царапнула голую спину сквозь тонкий шелк платья.

— Закопал? — переспросил он тихо. — Или остался стоять на месте, пока моя жена решила поиграть в столичную штучку? Скажи честно, твой салон… он приносит доход? Хватает на аренду той бетонной коробки в человейнике?

— Мой салон стоит три миллиона евро, скотина! — прошипела она, отталкивая его руками в грудь. Но руки не хотели толкать, они хотели цепляться за пропитанную мазутом рубашку. — У меня запись на месяцы вперед! Я сама себе хозяйка!

— Хозяйка, — кивнул Илья. Его ладонь легла на дерево рядом с ее головой, заключая ее в капкан. — А я тут механик. Знаешь, какой самый частый диагноз машин, которые гоняют городские умники вроде тебя? Переоценка собственных возможностей. Вы думаете, если наклеили значок «Спорт», то мотор перестал быть железным. Сгораете на первом же затяжном подъеме. Вот и ты перегрелась, Ник. Приехала остывать.

Его вторая рука коснулась ее шеи. Большим пальцем он провел по линии подбородка, стирая невидимую соринку. Жест был настолько интимным, привычным и забытым одновременно, что у Вероники подкосились колени. Десять лет психотерапии, курсы личностного роста, — всё рассыпалось от одного касания грязного пальца автослесаря.

— У тебя кто-то есть? — спросила она внезапно севшим голосом. Вопрос вырвался сам собой, острый и больной, как заноза.

— Есть, — легко подтвердил Илья, не отводя глаз. — Настя. Продавщица. Та самая, которой часики тикали. Живем вместе года четыре. Удобно. Борщи варит, рубашки гладит. Не истерит, когда я остаюсь на ночь в гараже.

Он бил наотмашь. Расчетливо, точно зная, куда ударить. Вероника почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Не от ревности — для ревности в ее жизни давно не было места, только сухой расчет партнерства. Ее тошнило от абсурда ситуации: она, владелица империи красоты, ревнует мужчину к продавщице сельпо, стоя практически босиком в грязи.

— Поздравляю, — выдавила она. — Надеюсь, она хотя бы умеет пользоваться дезодорантом.

— Пользуется, — Илья наклонился ниже. Их губы почти соприкасались. — А еще она никогда не смотрит на меня вот так, как ты сейчас. Будто я грязь у тебя под подошвой, которую нужно срочно смыть дорогим антисептиком. Так что проваливай обратно в свою Москву, Ника. Садись в такси, которое мы сейчас вызовем, и возвращайся к своим евраам. Тебе здесь не место.

Он резко выпрямился, разрывая магнетическое поле. Развернулся и пошел прочь, обратно к светящемуся шатру, оставив ее одну в темноте сада. Вероника стояла, прижимая ледяные пальцы к горящим губам. Земля уходила из-под ног.

«Спокойно, — приказала она себе. — Это манипуляция. Обычная деревенская месть брошенного мужика. Ему больно, вот он и бесится».

Но ноги сами понесли ее следом.

***

Танцы закончились. Из колонок теперь лилась тягучая, надрывная музыка —кто-то включил «Владимирский централ». Гулянье перешло в стадию пьяных объятий и разборок.

Вероника нашла Катю-невесту недалеко от мангала. Подруга детства выглядела помятой, счастливой и абсолютно чужой в своем пышном облаке фатина.

— Ника! — Катя взвизгнула и повисла у нее на шее, пачкая блестки со своего декольте о платье Вероники. — Офигеть! Ты реально приехала! А говорили, ты теперь небожитель, в нашу дыру носа не кажешь!

— На один день, Кать. Утром поеду, — соврала Вероника, принимая пластиковый стаканчик с домашним вином. Пойло оказалось приторно-сладким, било в нос спиртом, но алкоголь был необходим. — Где мой подарок? Сумка в доме?

— Да вон, на веранде лежит! — махнула рукой невеста в сторону покосившегося крыльца. — Слушай, а правда, что ты сеть салонов подняла? Обалдеть… А я смотрю, ты с моим Колькой разговаривала. Сто лет его не видела, растолстел как кабан.

Вероника поперхнулась вином. Механик. Конечно. Единственный автосервис на всю округу принадлежал Николаю, двоюродному брату жениха. Значит, Илья работает на Николая. Значит, завтра утром он придет чинить чью-нибудь «Ладу», будет материться на ржавчину и пить растворимый кофе. А вечером пойдет домой, к своей Насте, которая сварит ему борщ.

— Надо забрать сумку, — пробормотала Вероника. — Вызову такси.

— Какое такси?! — возмутилась Катя. — Куда ты поедешь? Темень такая, трасса пустая. Оставайся у нас, ляжешь в детской, там кровать широкая. Утром я тебе сырников нажарю. Творог свой, домашний, ложка стоит!

Идея спать в чужом доме, пропахшем кошками, была невыносима. Но идея остаться одной в номере райцентровской гостиницы, слушая, как за стеной храпит дальнобойщик, пугала еще больше. Рядом с Ильей ей было страшно, но это был животный, живой страх. Страх высоты перед прыжком.

— Я вещи заберу и выйду во двор, подышу, — сказала Вероника.

На веранде действительно стояла ее брендовая дорожная сумка — яркое пятно среди старых ватных одеял и закатанных банок с огурцами. Вероника расстегнула молнию, достала телефон. Связи не было. Ни одной палочки антенны. Деревня надежно глушила сигналы большого города.

Она сунула телефон обратно в карман и пошла искать выход. Проходя мимо задней двери кухни, она услышала голоса. Женские. Один тихий, грудной, полный слез — Настин. Второй — злой, шипящий, незнакомый.

— …я же вижу, как он смотрит! Третий раз за вечер выходит! Думала, курит, а он ее караулит! Приперлась, расфуфыренная. Каблуки свои в мою землю потыкала!

— Насть, ну может показалось? Ну какие каблуки, он на тебя слюной исходит! Он тебя любит, — Молчи, дура! — рыдания перешли в истерику. — Городская сучка думает, раз бабок много, так ей всё можно! Мужиков наших воровать!

У Вероники похолодели кончики пальцев.

Дверь кухни скрипнула. Настасья выбежала наружу, размазывая тушь по щекам. Следом выскочила полная женщина в леопардовом топике. Они чуть не сбили Веронику с ног.

— Девушка, осторожнее! — пискнула та, шарахнувшись в сторону.

Настасья замерла. Уставилась на Веронику красными, больными глазами. В аптечном свете коридора кожа казалась серой, бумажной.

— Опять ты, — выдохнула Настя. Без страха, без удивления. С тупой, тяжелой ненавистью. — Что тебе надо? Уезжай отсюда. Оставь его в покое. Он мой. По закону.

— Я не собираюсь никого у вас забирать, — ровно ответила Вероника, инстинктивно отступая на шаг. Ей вдруг стало жутко от вида этой простой женщины. — Успокойтесь. Ваш мужчина мне не нужен.

— Нужен! — выкрикнула Настасья, делая резкий выпад вперед. — По глазам вижу! Ходишь вокруг, нюхаешь! Стерва! Думаешь, если ты в Москве живешь, так лучше всех? А

он ко мне возвращается! Каждый раз! Потому что я настоящая! Я его понимаю! А ты… ты холодная! Стеклянная!

Продавщица попыталась вцепиться ей в волосы, но Вероника профессионально выставила блок, перехватив запястье. Сказывались годы занятий кикбоксингом. Прием оказался болезненным — Настя вскрикнула и осела на пол веранды, всхлипывая.

— Успокоительного принести? — сухо спросила Вероника, оправляя сбившееся платье. — У меня в сумке валидол есть.

— Провались ты со своим валидолом! — прорычала Настя сквозь слезы. — Чтоб ты ногу на этих своих гвоздях сломала! Чтоб твой салон сгорел синим пламенем!

Она поднялась, пошатываясь, и скрылась в глубине дома. Ее сопровождающая растерянно посмотрела на Веронику:

— Вы уж извините ее. Настька совсем ума лишилась из-за любви. Жалко девку.

Оставаться на этой свадьбе дольше было опасно. Вероника схватила свою сумку. Ремень больно резанул пальцы дорогой кожаной ручкой. Она вылетела за калитку, жадно глотая ночной воздух.

Такси вызвать не удалось. Пришлось идти пешком в сторону центра деревни, надеясь поймать хоть какую-то попутку или найти единственный таксофон, который, по слухам, еще работал.

Дорога шла в гору. Шелковый подол путался в ногах, камни врезались в босые пятки. Вероника остановилась перевести дух у поворота на грунтовку.

Справа темнели силуэты старых сараев. Слева начинался спуск к реке. Именно оттуда, из густых зарослей ивняка, тянуло сигаретным дымом.

— Помочь? — раздался знакомый низкий голос.

Илья сидел на перевернутой лодке, брошенной кем-то у забора. Босой, в тех же мятых джинсах. Он докурил сигарету, щелчком отправил окурок в лопухи и встал. Лунный свет падал на его лицо, превращая знакомые черты в маску античного бога войны — грубого, вытесанного из камня.

— Твоя продавщица пыталась меня убить, — сообщила Вероника, крепче сжимая ручку сумки. — Кажется, она всерьез считает, что мы будем делить территорию.

— Она хорошая баба, — глухо сказал Илья, подходя ближе. — Просто любит сильно. А любовь, Ника, она штука токсичная. Особенно когда неразделенная.

— Как у нас с тобой? — съязвила она, стараясь держать оборону

Илья остановился в шаге от нее. Протянул руку и одним быстрым, хищным движением вынул большую сухую ветку, прицепившуюся к складке ее платья на спине.

— Нет, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — Наша всегда была взаимной. Поэтому ты и сбежала. Любовь требует отдачи, а ты привыкла только брать. Красоту собирать. Как пчела.

Он сделал еще шаг. Пространство схлопнулось. Вероника поняла, что сейчас произойдет нечто необратимое. Еще секунда — и он поцелует ее прямо здесь, на пыльной дороге, под равнодушными звездами. И тогда рухнет всё: ее карьера, ее броня, ее десятилетняя ссылка самой себя в золотую клетку.

Она должна была уйти. Должна была сказать «Отвали» и гордо зашагать в темноту.

Но вместо этого она разжала пальцы. Дорогая сумка упала в придорожную пыль с глухим стуком.

Илья понял всё без слов. Его ладони жестко легли на ее талию, притягивая к себе через сопротивление ткани. Первый поцелуй был не нежным — это был удар. Злой, требовательный, наказывающий за эти десять лет тишины. Он пил ее дыхание, кусал губы, словно хотел сожрать целиком.

Вероника застонала ему в рот, обвивая шею руками. Острые ногти впились в его затылок, заставляя прижаться еще теснее. Весь мир сузился до вкуса железа на языке, запаха разогретого за день дерева и ощущения мозолистой руки, скользнувшей под тонкую ткань платья на поясницу.

Где-то в деревне завыла собака. Громко, протяжно, предвещая беду. Но им было плевать. Лето плавилось окончательно. Вместе с остатками здравого смысла.

Глава 3

Вкус поцелуя Ильи оказался таким же, как его жизнь — горький, терпкий, с привкусом дешевого табака и чего-то неуловимо металлического. Вероника вцепилась в его плечи так, словно пыталась удержаться на краю обрыва, хотя сама только что шагнула вниз.

Разум кричал: «Стой! Ты бизнес-леди, у тебя совет директоров во вторник!». Тело отвечало иначе: оно плавилось, как асфальт Липовки под полуденным солнцем. Десять лет она строила из себя айсберг, а Илья взял и просто приложил к ней две свои раскаленные ладони.

— М-м-м… стой, — прохрипела она, когда он наконец оторвался от ее губ, чтобы перевести дыхание где-то в районе ее ключицы. — У меня платье стоит больше, чем твоя машина. И твой гараж. Вместе взятые.

Илья тихо, низко рассмеялся ей в шею. Вибрация прошла по всему позвоночнику Вероники.

— Не переживай, — пробормотал он, прихватывая зубами тонкую бретельку шелка. — Я за него отработаю. Бесплатно поменяю масло всей твоей родне. Включая того дядю на «Майбахе», который смотрит на тебя, как на неудачную инвестицию.

Он снова потянулся к ее губам, но Вероника уперлась ладонью ему в грудь. Мозолистая кожа была горячей даже через рубашку.

— Прекрати цитировать мои мысли, это жутко, — выдохнула она, пытаясь собрать лицо обратно в маску Снежной королевы. Получалось плохо — губы припухли, а глаза блестели слишком влажно. — Мы на улице. Нас увидят. Там твоя…продавщица бегает с топором?

— Настька сейчас пьет корвалол и пишет мне сообщения капслоком, — Илья фыркнул, отстраняясь ровно настолько, чтобы заглянуть ей в лицо. Его глаза в темноте казались совсем черными. — Она безобидная. Просто любит драматизировать. А вот тетя Валя в леопардовом действительно опасна, если выпьет настойку боярышника. Так что предлагаю сменить локацию. Ко мне пойдем?

— К тебе? — Вероника нервно хохотнула, оглядывая свой наряд. — Это куда? Туда, где пахнет солидолом и вчерашними пельменями? Илья, я там задохнусь. Или прилипну к дивану.

— Ко мне. В старый дом. А диван я выкинул еще в позапрошлом году, — оскорбленно заявил он. — Купил софу. Почти новую. На пружинах. И шторки повесил. В цветочек. Розовые.

Последнее слово он произнес с такой убийственной серьезностью, глядя в сторону темного забора, что Вероника рассмеялась в голос. Напряжение вечера начало сползать с нее вместе с дорогой пудрой.

— Розовые? — переспросила она, давясь смехом. — Господи боже. Ты купил розовые шторы? Для кого? Для Настьки-продавщицы?

— Нет, — Илья помрачнел мгновенно, возвращаясь из комедии в суровую реальность. — Настька сказала, что это мещанство. Сказала, что они собирают пыль и портят интерьер. Поэтому теперь они лежат в пакете под ванной. Пойдем ко мне, Ник. Пожалуйста. Мне нужно понять, реально ли ты здесь или это тепловой удар после водки.

***

Старый, покосившийся от времени дом Ильи встретил их идеальной тишиной и запахом сухой древесины. Никакого мазута внутри не оказалось — видимо, зона поражения заканчивалась строго за порогом крыльца. Зато обнаружился идеальный порядок и пустота, будто в нем никто не живет уже долгое время. Пока Вероника стояла посреди прихожей, Илья щелкнул выключателем. Под потолком загорелась лампа в грубом плафоне.

— Проходи, — буркнул он, явно смущаясь. — Сумку брось куда-нибудь. Только не на кота.

— У тебя есть кот? — удивилась Вероника, скидывая босоножки. Каблук левой туфли предательски хрустнул, оставшись торчать из мягкой земли возле лесополосы. Символично. — Стой, какой кот? Ты же аллергик. Ты чихал от шерсти сильнее, чем старый пылесос.

— Был аллергик, — Илья прошел на кухню, загремел чайником. — Теперь у меня астма, этот сарай и хроническое недосыпание. Аллергия не выжила. Кот тоже. Он сбежал к соседке бабе Зине, потому что она кормит его минтаем. Забегают сюда только иногда. Садись. Чай будешь?

Вероника опустилась на ту самую «почти новую» софу. Та действительно оказалась удобной, но отчаянно скрипнула старыми пружинами, выдавая гостя всем соседям.

— У вас тут всё меряется акциями в «Пятерочке»? — спросила она, наблюдая, как Илья ставит перед ней кружку с Микки Маусом. Ту самую. Ее любимую кружку, которую он купил по акции в «Пятерочке» ей в подарок ко дню Всех Влюбленных в первый год их совместной жизни — Это стратегический запас, — серьезно ответил Илья, садясь в продавленное кресло напротив. — Если вдруг война или санкции, отключат интернет. Буду расплачиваться бартером. За эту кружку можно получить два мешка картохи.

Они молчали секунд тридцать. Смотрели друг на друга поверх липкого ободка чашек. Снова вдвоем в своем когда-то семейном гнездышке. Вернулась звенящая неловкость.

— Зачем ты приехал на свадьбу? — первой нарушила тишину Вероника. — Ты же терпеть не можешь Толика жениха. Вы ж с ним в девятом классе постоянно дрались.

—Я приехал потому, что Колька попросил помочь с машиной молодоженов. У них кортеж встал. Думал, быстро гайки подкручу и свалю. Но увидел тебя. Знаешь, Ник, десять лет прошло, а у меня до сих пор рефлекс, как у собаки Павлова: вдыхаю запах твоих волос — хочу курить. Хотя я бросил три года назад.

— Бросил? — Вероника недоверчиво вскинула бровь. — Ты, человек, который смолил «Луч», когда красил забор?

— Жизнь заставила, — пожал плечами он. — Врач сказал: либо потеряешь легкие, либо бросай курить. Пришлось выбирать здоровье. Бизнес требует жертв.

Вероника поперхнулась чаем. Кашляла долго, зло, пока слезы не выступили на глазах. Илья молча ждал, постукивая пальцами по колену.

— Прости, — выдавила она, вытирая уголки глаз салфеткой с вышитыми цыплятами. — Просто фраза «бизнес требует жертв» из уст автослесаря звучит как название дурацкого фильма. Что случилось? Решил открыть сеть шиномонтажек?

— Почти, — уголок его рта дернулся вверх. — Помнишь тот красный «Феррари», который стоял у нас на въезде год назад? Какой-то мажор перегрел движок, вез семью на море.

— Смутно, — соврала Вероника. Она помнила всё. Помнила, как бежала к телефону, услышав про дорогую иномарку в их глуши.

— Ну так вот. Мажор психанул, оставил тачку здесь. А потом выяснилось, что коробка передач накрылась медным тазом. Спецов по этим роботам в области нет. Николай позвонил мне, скинул видео с форума. Я ночь сидел, схему изучал. Сделал.

Илья поднялся, подошел к старому серванту и достал оттуда бутылку. Темное стекло, бечевка на горлышке.

— Самогон? — с ужасом спросила Вероника. — После чая «Гринфилд» мы будем пить первач?

— Вишневка, — обиделся он. — Бабкина. Три года настаивалась. Это практически компот.

Он разлил тягучую рубиновую жидкость по двум граненым стопкам.

— За встречу? — предложил он.

— За то, чтобы завтра проснуться в своей кровати, — кивнула Вероника и опрокинула стопку.

Настойка обожгла горло сладостью, теплом ухнуло в желудок. Мир вокруг стал чуть мягче.

— Расскажи про город, — попросил Илья, наливая по второй. — Каково это — ходить по улицам, где никто не знает, как зовут твою собаку и сколько ты должен Сидорову за дрова в девяносто восьмом?

— Сначала было страшно, — призналась Вероника, крутя стопку в пальцах. — Казалось, что все смотрят на мои сапоги и понимают, что я подделка. Потом привыкла. Поняла, что людям плевать. Они смотрят только на ценник. Я научилась улыбаться, когда хочется убивать. Научилась говорить «перспективы роста» вместо «денег нет». Я стала очень успешной, Илья. Очень богатой. И абсолютно мертвой внутри.

— Звучит как тост, — усмехнулся он. — Давай, за твой успешный труп.

— Дурак, — она швырнула в него салфеткой с цыплятами. — Я серьезно. Я приехала сюда и впервые за пять лет проспала двенадцать часов подряд. Без снотворного. Здесь воздух другой. Густой. Им дышать тяжело, но…

— Но здесь не отравишься выхлопными газами, — закончил за нее Илья.

Он пересел с кресла на край софы. Деревянный каркас вновь издал жалобный стон.

— Кстати, — Илья внезапно посерьезнел. — Завтра нам надо будет съездить в район и снять бронь с твоей гостиницы в райцентре. Только по деревне то сейчас сильно шастать нельзя.

— Нам? — напряглась Вероника. — У меня вообще-то самолет вечером. Меня ждут инвесторы. Они вложили деньги в новый филиал в Питере. Им не понравится, если генеральный директор пропадет в липовых лесах.

— Инвесторы подождут, — отрезал он.

Вероника замерла с открытым ртом. Кровь сначала отхлынула от лица, потом ударила в виски горячим паром.

— Зачем… — прошептала она.

— Успокойся, — Илья закатил глаза. — Когда женщина полчаса целуется с бывшим мужем на пустой дороге, дышит так, будто марафон пробежала, а потом резко бледнеет…

Вероника закрыла лицо руками. Из горла вырвался звук, средний между всхлипом и истерическим смешком. Это было настолько нелепо, настолько киношно, что сопротивляться сил не осталось.

— Боже мой, — простонала она сквозь пальцы. — Меня вычислил механик по моему дыханию.. Куда катится моя репутация?

— В надежные руки, — уверенно сказал Илья. — Собирай свою сумку. Утром поедем. И да, надень штаны. Платье в крапиву нырять неудобно.

— В какую крапиву?! — возмутилась она, отрывая руки от лица.

— Ты же все-таки в деревню приехала. Не забыла? Тут крапива и полынь на каждом шагу.

Вероника смотрела на него секунду. А потом начала смеяться. Громко, заливисто, запрокинув голову. Скрипучая софа подпрыгивала в такт ее смеху.

Она смеялась над собой, над своим идеальным планом жизни, над сломанным каблуком, над розовыми шторами и над тем, что самый серьезный в ее жизни происходит под предложение залезть в крапиву.

Илья смотрел на нее, щурясь, как огромный довольный кот. Когда она отсмеялась и вытерла выступившие слезы, он протянул руку и осторожно заправил выбившуюся прядь волос ей за ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.